

Александр Якушев

МЕЗЕНСКИЙ ЛЕШИЙ

МЕЗЕНСКИЙ ЛЕШИЙ

Усталые в усмерть швартуем катер у берега реки. Молча и неспешно выгружаем походные туеса – бочки и мешки с вещами, ведро с рыбой, пустые канистры. На этот раз взятая фляга с коньяком была пуста. Мой рыболовный поход завершён.

Ночной перелёт не предвещал сюрпризов, однако с него то всё и началось. Очнувшись в кресле самолёта и посмотрев на часы, неожиданно был удивлён. Мы должны были уже приземлиться! Но тут голос командира прервал процесс моих расплывчатых размышлений: аэропорт не принимает борт, ввиду сильного тумана, и посадка будет на запасном аэродроме.

Эта новость как мощный, жёсткий удар в мозг разбудила меня окончательно. Почему в Сыктывкар? Где вообще этот город? С географией у меня проблем никогда не было, но не менее получаса вспоминал, что окружённая северными лесами столица Республики Коми, стоит в трёхстах километрах к югу от истока Мезени. Эка меня занесло то!

Каждые полчаса ожидания превратили солнечное июньское утро в кошмар, и воображаемые сценарии сменяли друг друга: “А что если задержат вылет вертолёта? И на сколько? А если нет? А следующий вертолёт через неделю, и что, домой возвращаться?”

И вот, уже мчусь на такси по городу, но на том конце провода отвечают: “Посадка завершена, мы вас уже два часа ждём, могу задержать на десять минут, не более”. По взмаху волшебной палочки тыква превратилась в карету и я, как герой кинокомиксов обрушиваюсь на головы сотрудников

местного аэропорта, а через полминуты запрыгиваю на последнее свободное место Ми-8.

Истощенный и измождённый как космонавт, спустившийся с орбиты, я ступаю на землю поморов. Я мало что понимаю, но я безумно рад встрече с моим проводником, который с раннего утра переживал вместе со мной.

– Сам господь дал мне эту поездку, и я не смею просить большего, – тихо ответил я на новость о том, что поездка на дальнее озеро не состоится. Казалось, что июньское солнце, успев растопить снега, не выдержало борьбы, и навсегда склонилось под натиском северных холодных ветров, сковавших льдом заполярные озёра.

Гигантская северная щука моей второй мечты закована льдами, и не сможет в этот раз дать мне шанс повстречаться с ней глаза в глаза. Она была во многих моих снах, она была огромна, и я с ней боролся. Я бросился в ледяную воду, потому, что её невозможно взять на борт лодки. Стоя по пояс в ледяной воде, я не замечал судорог, и держал её, как держат пяти пудового сома или арапайму. Я был самым счастливым рыболовом! Этот сон обязательно сбудется.

Я стоял на песчаной площадке заполярного космодрома и не чувствовал, как холодный, сухой ветер прошивал насквозь мою летнюю одежду. Северные окраины Мезени опять переносили меня во времени, на этот раз из лета в весну.

Мы мчимся на моторе вверх по реке к её бесчисленным притокам и малым озёрам без остановки. Мощный поток холодного встречного ветра, временами менялся... на очень холодный со снегом. Высокая вода обманчиво скрывает угоры, показывая лишь верхушки четырехметрового кустарника. Величественные кряжи и щели, на склонах которых зима всё ещё прятала от солнца снежные сугробы, матёро сдерживают на изгибах русла поток талой воды с самых северо-восточных окраин Мезенского края.

– И вот зачем ты воду купил, мы никогда не берём, лучше уж бензина взять в запас.

– А якорь ты зачем на нос погрузил? Уж потяжелее моей бутылки он будет! И так уже седьмой час в лодке, искать талую воду некогда, а в реке муть сплошная.

Только я хотел сделать очередную фотографию понравившегося мне пейзажа, как капитан лодки устало сообщает: изба.

Скрытая под сводом могучих северных елей, сосен и лиственниц рубленая избушка показалась мне вершиной деревянного зодчества, всё в ней было гармонично и продуманно. Забравшись на двухметровый угор, к середине лета удваивавший свою высоту, я удивился ещё больше. Лес как бы вырос на песчаном пляже. Такой водливой весны не было здесь лет двадцать, и вода вынесла тонны песка на берега, изменив привычный лесной пейзаж.

Поставленные в печку на ночь два сырых полена шаяли, шаяли, да и разгорелись, да так что в избе невыносимый жар заставил меня проснуться и выбежать на улицу, а приоткрыв дверь, появилась иллюстрация к детской песенке:

У леса на опушке

Жила зима в избушке...

На песчаном пляже зима застелила снежный ковёр, ели-недоросли белели и сверкали снежным покровом под пробивающимся сквозь низкие тучи светом утренней зари.

Как пойдешь за порог, всюду иней,

А из окон парок синий-синий!

Не хватало рупаков¹ на реке для полного завершения зимнего Мезенского пейзажа. Холодящая свежесть утра бодрила, и только я встал на угоре, как перед глазами появился новый сюжет из песни:

На маленьком плоту, сквозь бури, дождь и грозы

Взяв только сны и грёзы и детскую мечту

Я тихо уплыву, пути не выбирая

И, может быть, узнаю мир, в котором я живу.

По реке проплывал огромный плот! Мы дошли до самой дальней избы по реке, так кто же его пустил в дальнейшее плавание? Позднее, недалеко от нашей избы мы встретили

¹ *Рупаки* – лёд на реке, застывший волнами от сильного морского ледяного ветра. Встречается в устьях рек Мезенского края, впадающих в Баренцево море.

сельского ветеринара, который в зиму заготовил бревна для новой избы и его фатёрка² из фанеры теперь самая удаленная от села.

Надо отметить, что зимой на снегоходах в эти места добраться намного быстрее и проще, однако всему есть пределы, и забираться дальше вглубь Мезенских лесов никто не рискует. Если техника подведёт, то дома начнут считать взятые в поход хлеба. Обычно считают один взятый хлеб-сковородник на полтора-два дня. Рецепт такого хлеба, особенность которого в пропорции муки и воды, всё ещё помнят и передают из поколения в поколение.

Рыболовная программа моего путешествия началась с поездки на слияние двух рек. В двадцати минутах хода от избы привязываю лодку к ветвям кустарника. Обратное течение двух мощных речных потоков сходилось, и в этом омуте я ожидал первую поклёвку. Рыба была под нами, я

² *Фатёрка* – лесная избушка охотников

точно знаю, но за полдня – ни одной поклёвки, как на донную снасть с червяком, так и на спиннинговые приманки с заглубителями и без.

После этой тренировки я согласился на поход на лесное озеро, называемое Подкова из-за его формы. По моховине и поваленным ветром хлыстам вековых сосен и елей ловцы³ пробирались к озеру как заправские полесники⁴, но вылазка в лес принесла второе разочарование этого дня – озеро стояло подо льдом, а трёхметровые закраины не давали шанса выманить рыбу на разноцветные колючие побрякушки.

Идя к лодке звериной лесной тропой по владениям Мезенского лешего, переговаривались, и решили

³ *Ловцы* – так у поморов называли всех, кто отправлялся на рыболовные промыслы по рекам, озёрам, морю.

⁴ *Полесники* – охотники.

пробовать заливные мелкие озёра и речные заливы, в которых, несомненно, пряталась рыба.

Однако следующий день не принёс никакого результата. По реке так и не нашли потенциальных для ловли мест, а выход на малое озеро порадовал бросками некрупных щук в заливной траве. Как я ни старался пробраться к заливу, Мезенский леший снова защитил от непрошеного гостя озёрную рыбу.

Напряжённость в разговорах о рыбалке с проводником за эти дни нарастала, и был предложен авантюрный, рискованный план с риском нехватки топлива на обратный путь: пробраться в самый что ни на есть Край не пуганых птиц, туда, где местные охотники захаживают, если только след зверя возьмут. От такого предложения побывать в запрятанных Мезенским лешим от человеческого взора канабрах я не смог отказаться.

На удивление всем в день этого похода погода резко изменилась, солнышко пригрело холодные угоры, и птица вышла к берегам реки. Мы шли по воде на высокой скорости, и с каждым впадающим в реку ручьём ширина реки становилась всё уже и уже.

Прямо над нами взлетела пара лесных гусей-гуменников – казалось, что четыре крыла закрыли на это мгновение полнеба над головой! Позднее над нами кружили две пары лебедей, а уток по берегам было не сосчитать. Протяни руку, и вот он, сказочный мир Русского Севера, как ожившие страницы дневников М.М. Пришвина.

Остановились на слиянии реки и полноводного ручья, который в летние месяцы можно в галошах вброд перейти.

Это было самое рыбное место на сто километров вокруг, и харюса под лодкой должно быть две бочки, в чём ни я, ни проводник не сомневались. Осталось только его поймать.

Несмотря на то, что за прошедшие три дня вода сошла не менее чем на метр, двухметровая глубина и быстрое течение в ручье и в реке осложнили поиск ключика к местному харюсу.

Полдня перемещались с правого берега на левый, и обратно, но рыбой в лодке и не пахло. Очередное отчаяние, и команду на сплав, может щука из прибрежных кустов порадует рыболова? В избу вошли усталые, и каждый со своими мыслями. Рыбных блюд на ужин опять не было.

Под нешумное потрескивание дров в печке в ожидании горячего ужина размышлял вслух.

– Надо сплавляться и искать, искать, искать. Но прежде всего надо понять, почему речная и озёрная рыба, которой тут ловить, не переловить, не проявляет никакого интереса ни к приманкам спиннинговым, ни к червю, добытому мной лопатой на грядках твоего приусадебного участка? Период нереста у ельца, харюса, щуки, окуня, сороги разный и поведение должно быть разное. Видимо поздняя весна, а точнее её нетерпимо долгое продолжение, взбесили всю рыбу, включая сига, который нереститься по осени и во время высокой воды в реке активно питается. Ведь что получилось? Рыба ждёт вскрытия реки ото льда, потом потепления и начинает нереститься, а по факту получается, что щука, которая нереститься первой в реке стоит в кустах ещё с икрой! Вся рыба стоит икраяная, а должна уже отнереститься! Вот и весь сказ. Получается, что жизненный цикл питания и размножения привязан не к лунному календарю, а к погоде, в данном случае состоянию и

температуре воды! Ведь для нас погодные изменения означают изменения атмосферные, а для рыб погодные изменения означают изменения среды её обитания, то есть изменения воды.

– Так-то так, да нам-то, что делать?

– Может, в каком озере или ручье весна уже сменилась на лето? Рыба то никуда не ушла. Она, как и все мы, ждёт лето, но ждёт его в воде.

– Заколдовал наш лес Мезенский леший вместе с озёрными и речными его обитателями, даже и не знаю, как его попросить, чтоб тебе немного удачи в туеса насыпал, – с легким испугом ответил проводник, понимая, что с рекой происходят непонятные вещи, и туристу рыбы не видать в этот раз.

Понимал это и я, но продолжал верить в чудеса, которые в этих краях случаются, и случаются не редко.

– Осторожно, вичка охвостнёт!

Я ситуативно понял, о чём меня предостерег проводник, пробираясь на вёслах по заливу в кустарнике в поисках мест, где на поплавок можно половить прятывшуюся от речных стихий рыбу.

– Вичкой мы веточку называем, а ветка – это вица. Актёра Георгия Вицина помнишь?

– Георгия Михайловича? Помню. Это он по-современному получается Георгий Веткин?

– Околодело.

– С вицей разобрались, а почему охвостнёт?

– Мы так говорим, в бане веником не паримся, а хвастаемся. Вот как веником тебя хвастану, вопросов меньше будет, почему и отчего. Взаболь.

Медленно сплавляясь по реке, делали редкие остановки с заходом в заводи, короткими пробежками проверяли лесные озёра, и к концу дня заночевали в избе, что в сорока километрах ниже по реке.

Потеряв за эти дни весь свой запас оптимизма, поутру сплавились до избы, в которой третью неделю встречали лето бабка с дедом – потомки христиан-старообрядцев, оставивших нам в наследие эти леса, реки, ручьи и озёра, и, конечно же, несгибаемый русский дух, силу которого начинаешь чувствовать, пересекая границы поморских земель.

Старик ловил неводом рыбу,

Старуха пряла свою пряжу...

Так можно было бы и продолжить сказку А.С. Пушкина, глядя на их размеренную лесную жизнь среди божьего простора, но золотой рыбки как не было, так и нет. Попадался старику хариус и окунь с икрой на ставные сети напротив избы, – словно поставленный на высоком угоре починок времён первых русских поселений на реке. Окунь питался жуками, которых он вероятнее всего вылавливал в прибрежных заливных травах, что подтверждало мою гипотезу, что поздняя весна, а вернее сказать, позднее лето, выморозило мозги всей рыбе в округе. Все подводные обитатели заснули волшебным сказочным сном.

Пока я ходил по берегам заливов, перебирая различные оснастки, проводник договорился с хозяевами на рыбные угощения для туриста. Уха, как всегда была отменная, свежепосоленный сиг, ранее не вызывая у меня восторга к этому деликатесу, кардинально поменял мои вкусовые пристрастия. Одним этим обедом кулинарную часть своего похода посчитал закрытой, а вместе с ней понял, что надо завершать и все остальные его части.

Нам оставалось уповать на остатки бензина в баке, но, тем не менее, решили выйти на глиссер и мчаться на всех парах, проверить там ставные сети на ближайших к селу уловах, которые выставлял его напарник в наше отсутствие.

К вечеру стало неожиданно холодно, пасмурно, а по настроению и снежно. Мезенский леший заколдовал и меня, никаких желаний, эмоций, планов. Только монотонное ожидание лета.

Хотелось поскорее вернуться домой, в тепло сельской избы, попить настоящего молока. Молока из детства, когда его наливали в сених из ведра через марлю в мою стеклянную трёхлитровую банку, а в подарок – кружку этого тёплого, волшебного напитка. Я возвращался к нашему палаточному лагерю по лесу, полю, через глубокий овраг, и эта, малая моя подмога рыболовной компании из моего детства, так и

остаётся со мной со вкусом настоящего, деревенского молока.

Недалеко от деревни река образовала обширную заводь и моё природное чутьё побороло проникнувшую до мозгов и костей морозь, и мы остановились. На шесте пробилась сквозь высокие и плотные заросли кустарника и вышли на перспективное место, – на уловá.

Однако я не пошёл стандартным путём, и расчехлил без дела лежавшее семиметровое маховое удилище и привязал самодельные тонущие мушки, сделанные из самодельного даббинга, в основе которого была шерстяная стелька и старый валенок. В качестве аттрактанта решил применить корм для аквариумных рыбок. Ловля по своему характеру выглядела как ловля на летнюю мормышку с боковым кивком. Глухая оснастка позволяла использовать кончик удилища как кивок. Имитируя движение личинок

насекомых в воде я занялся *мормышингом* (этот термин я встретил на страницах рыболовных форумов).

Сиг-четверник, хариус, сорога, елец, окунь, сыпались в лодку один за другим! Попался даже сиг-двойник! Название такое сигам пришло от бочек-мезенок в сто двадцать литров. Два сига на один ряд в бочке, значит двойник, три сига на один ряд в бочке, уже тройник, четыре сига на ряд – четверник, а всё, что меньше, называли саурей.

Остановились, как только наполнили стоявшее все эти дни порожним ведро, что по моим мерилам больше чем нужно в походе, скрасив этим уловом рассказ о приключениях ожидавшим нас домочадцам.

Заканчивая на этом свой рассказ, я подумал, что когда-нибудь и наше время станут называть далёким прошлым, и вспоминать современные рыболовные истории так же, как старíны⁵ поморов.

⁵ *Старíны* – былины, сказания

